

ПРОЛОГ

В первые часы не было ничего: ни страха, ни печали, ни ощущения хода времени, ни одного мерцания мысли, ни одного воспоминания, просто чёрная, абсолютная тишина. Затем появился свет, зыбкое серое пятно дневного света, и я потянулся к нему из темноты, словно дайвер, всплывающий на поверхность. Сознание возвращалось медленно, словно выступающие на царапине капли крови, и я с трудом очнулся, попав в призрачный мир между беспмятством и реальностью. Я слышал голоса и ощущал движение вокруг, но мысли у меня путались, а перед глазами всё расплывалось. Я различал лишь тёмные силуэты и пятна света и тени. Когда я в замешательстве уставился на эти неясные очертания, я заметил, что некоторые тени двигались, и, наконец, сообразил, что одна из них нависла надо мной.

— Нандо, *podés oírme?* Ты меня слышишь? С тобой всё нормально?

Тень приблизилась ко мне, и пока я тупо смотрел на нее, превратилась в человеческое лицо. Я увидел спутанные тёмные волосы и пару глубоко посаженных карих глаз. Глаза были добрые, — я точно знал этого человека, — но за добротой таилось что-то ещё, исступление, твёрдость, сдерживаемое чувство отчаяния.

— Давай же, Нандо, очнись!

«Почему так холодно? Почему так ужасно болит голова?» Я пытался отчаянно высказать эти мысли, но ничего не выходило. Губы не слушались меня, а усилие быстро истощило мои силы. Я закрыл глаза и тут же снова уплыл в черноту. Но скоро стали слышны другие голоса, и, когда я опять открыл глаза, надо мной плавали новые лица.

— Он пришёл в себя? Слышит тебя?

— Скажи что-нибудь, Нандо!

— Не сдавайся, Нандо. Мы с тобой. Очнись!

Я ещё раз попробовал заговорить, но у меня получился только хриплый шёпот. Тогда кто-то наклонился надо мной и очень медленно сказал мне на ухо:

— *Nando, el avión se estrelló! Caímos en las montañas.*

Было крушение, сказал он. Самолёт потерпел крушение. Мы упали в горах.

— Ты меня понимаешь, Нандо?

Я не понимал. Нет, я догадался по тихой настойчивости, с которой были произнесены эти слова, что это очень важно. Но никак не мог постичь смысла этих слов или сообразить, что они имеют какое-то отношение ко мне. Реальность казалась далёкой и приглушенной, как будто я застрял в каком-то странном сне и всё никак не могу заставить себя проснуться. Я парил в таком тумане несколько часов, но, наконец, ощущения начали проясняться, и я сумел рассмотреть своё окружение. С первых же смутных мгновений возвращения сознания меня озадачил целый ряд мягких округлых просветов, маячивших передо мной. Теперь я узнал в этих пятнах света маленькие круглые иллюминаторы самолёта. Я понял, что лежу на полу пассажирского салона коммерческого самолёта, но, посмотрев вперёд, в сторону кабины пилотов, я сообразил, что всё в этом самолёте как-то неправильно.

Фюзеляж откатился в сторону, так что спина и голова у меня упирались в нижнюю стенку правого борта самолёта, а ноги были вытянуты в приподнятый вверх проход. Большинство кресел в самолете отсутствовало. С поврежденного потолка свисали провода и трубки, а из дыр в обшарпанных стенах грязными лоскутами свисали обрывки изоляции. Пол вокруг меня был усеян кусками разбитого пластика, обломками искорёженного металла и прочими отвалившимися предметами. Было светло. Воздух был очень холодным, так что, хотя и был сильно контужен, я поразился, до чего тут холодно. До того я всю жизнь прожил в Уругвае, а это тёплая страна, и даже зимой там не бывает холодно. О том, что такое настоящая зима, я впервые узнал лишь в возрасте шестнадцати лет, когда поехал по обмену учиться в город Сагино в штате Мичиган. Я тогда не взял с собой в Сагино никакой тёплой одежды, и помню, как впервые почувствовал настоящий зимний ветер Среднего Запада, как ветер пронизывал мою тонкую весеннюю куртку, а ноги в лёгких мокасинах превращались в ледышки. Но я и представить себе не мог ничего похожего на резкие порывы ледяного ветра, сотрясавшие фюзеляж. Холод был дикий, проникающий до костей холод, который жёг кожу, как кислота. Я ощущал боль в каждой клеточке тела, и, пока я судорожно дрожал от ветра, каждое мгновение, казалось, длилось целую вечность.

Лёжа на продуваемом сквозняками полу самолёта, я никак не мог согреться. Но холод был не единственной моей заботой. В голове сильно пульсировала боль, такая резкая и свирепая, что казалось, будто у меня в черепе застряло какое-то дикое животное, которое отчаянно пытается вырваться наружу. Я осторожно протянул руку, чтобы потрогать макушку. В волосах запеклись сгустки

засохшей крови, а три кровоточащие раны образовали неровный треугольник сантиметрах в десяти над правым ухом. Я нащупал резкие выступы сломанной кости под свернувшейся кровью, и, слегка надавив, ощутил под пальцами что-то упругое и слегка пружинящее. У меня всё внутри сжалось, едва я понял, что это такое: я прижимаю осколки разбитого черепа к поверхности моего мозга. Сердце бешено колотилось в груди. Дыхание стало неровным и поверхностным. Я уже готов был запаниковать, когда снова увидел над собой карие глаза и, наконец, узнал лицо своего друга Роберто Канессы.

— Что случилось? — спросил я его. — Где мы?

Роберто нахмурился и наклонился, осматривая раны у меня на голове. Он всегда был серьёзным и настойчивым и имел сильную волю. Взглянув ему в глаза, я увидел твёрдость и уверенность, которыми он был известен. Но в его лице появилось что-то новое, что-то тёмное и тревожное, чего я раньше не замечал. Это был затравленный взгляд человека, изо всех сил пытающегося поверить во что-то невероятное, человека, потрясённого ошеломляющим известием.

— Ты пролежал без памяти трое суток, — проговорил он вообще без всяких эмоций в голосе. — Мы уже решили, тебе конец.

Мне показалось, в его словах вообще нет никакого смысла.

— Что со мной случилось? Почему так холодно? — спросил я.

— Ты в состоянии меня понять, Нандо? — уточнил Роберто. — Мы разбились в горах. Самолёт разбился. Мы потерпели крушение.

Я слабо повёл головой в замешательстве или отрицании, но не сумел долго отрицать то, что происходило вок-

Пролог

руг меня. Я слышал тихие стоны и резкие крики боли и начал понимать, что это были звуки страданий других людей. Я видел раненых, лежащих в импровизированных койках и гамаках по всему разбитому салону и фигуры людей, склонившиеся, чтобы помочь им, они тихо переговаривались, медленно и целеустремленно двигаясь взад и вперед по салону. Я впервые заметил, что рубашка у меня на груди спереди покрыта влажной коричневой коркой. Корка оказалась липкой и жирной, когда я коснулся её кончиком пальца, и я понял, что это прискорбное месиво — моя собственная подсыхающая кровь.

— Ты понимаешь меня, Нандо? — снова спросил Роберто. — Помнишь, мы летели на самолёте... Летели в Чили...

Я прикрыл глаза, показывая, что помню. Теперь я очнулся, и забвение уже не могло защитить меня от правды. Я понимал его слова, и, пока Роберто осторожно смывал у меня с лица запекшуюся кровь, я начал вспоминать.

ГЛАВА 1

ДО

Была пятница, тринадцатое октября. Мы шутили об этом, о том, что нам предстоит перелёт через Анды в такой несчастливый день, но молодым людям так легко даются шуточки такого рода. Наше путешествие началось днём раньше из Монтевидео, моего родного города, а конечным пунктом был Сантьяго в Чили. Это был чартерный рейс на двухмоторном турбовинтовом самолёте *Fairchild*, и моей команде регбистов — сборной регби-клуба *Old Christians* — предстояло сыграть товарищеский матч с лучшей чилийской командой. На борту находилось сорок пять человек, в том числе четыре члена экипажа — пилот, второй пилот, механик и стюард. Большинство пассажиров были моими товарищами по команде, а ещё с нами летели друзья, члены семьи и другие болельщики команды, включая мою мать Эухению и мою младшую сестру Суси¹, которые сидели на ряд впереди от меня по другую сторону прохода. Наш первоначальный маршрут предполагал беспосадочный

¹Суси — уменьшительный вариант от женского имени Сусана (*Здесь и далее — Прим. пер.*).

перелёт до Сантьяго продолжительностью около трёх с половиной часов. Но уже буквально через час после взлёта сообщения о непогоде в горах заставили пилота *Fairchild* Хулио Феррадаса посадить самолёт в Мендосе — старинном испанском колониальном городке к востоку от предгорий Анд.

Мы приземлились в Мендосе в обеденное время с надеждой, что через несколько часов снова поднимемся в воздух. Но прогнозы погоды не внушали оптимизма, и вскоре стало ясно, что нам придётся задержаться на ночь. Никому из нас не хотелось упускать ни одного дня из путешествия, но Мендоса — очаровательное местечко, и мы решили не терять там времени. Кое-кто из ребят устроился в уличных кафе вдоль широких бульваров Мендосы под густыми деревьями, другие отправились осматривать исторические кварталы города. Я провёл день с несколькими друзьями, мы смотрели автогонки на трассе за городом. Вечером мы пошли в кино, а остальные решили потанцевать с девушками-аргентинками, с которыми они только что познакомились. Моя мать с Суси проводили время, исследуя диковинные сувенирные лавочки Мендосы, там они купили подарки для знакомых в Чили и друзей, оставшихся дома. Мать была особенно рада отыскать пару красных детских башмачков в одной из лавчонок и думала, что они станут отличным подарком для новорожденного сына моей сестры Грасиэлы.

На следующее утро большинство из нас спали допоздна, а когда проснулись, нам не терпелось уехать, но об отъезде по-прежнему не было ни слуху ни духу, и мы разошлись в разные стороны, чтобы получше осмотреть Мендосу. Наконец, пришёл приказ прибыть в аэропорт ровно в час дня, но, добравшись туда, мы узнали лишь,

что Феррадас и его второй пилот Данте Лагурара ещё не решили, полетим мы или нет. Мыотреагировали на эту новость с разочарованием и гневом, но никто из нас тогда не понимал, какое трудное решение предстоит принять пилотам. Утренние сводки погоды предупреждали о возможной турбулентности в пути, однако после беседы с пилотом грузового самолёта, который только что прилетел из Сантьяго, Феррадас был уверен, что *Fairchild* сможет благополучно подняться выше непогоды. Более тревожной проблемой было время дня. Шла уже вторая половина дня. К тому времени, как пассажиры поднимутся на борт, а официальные лица из аэропорта покончат со всеми формальностями, будет уже далеко за два часа. Во второй половине дня с аргентинских предгорий поднимается тёплый воздух и встречается с ледяным воздухом над линией снегов, создавая в атмосфере над горами предательскую нестабильность. Наши пилоты знали, что наступает самое опасное время для полётов через Анды. Невозможно было предугадать, куда ударят вихревые потоки; если бы они достигли нас, наш самолёт швырнуло бы вниз, как игрушку.

С другой стороны, нам нельзя было задерживаться в Мендосе. Самолёт *Fairchild F-227* мы арендовали у Уругвайских ВВС, а законы Аргентины запрещали иностранным военным самолётам оставаться на земле Аргентины дольше двадцати четырёх часов. Поскольку выделенное нам время подходило к концу, Феррадас и Лагурара должны были быстро принять решение: лететь ли им в Сантьяго и бросить вызов погодным условиям после полудня или направить *Fairchild* обратно в Монтевидео и положить конец нашему отпуску.

Пока пилоты обдумывали варианты, наше нетерпение росло. Мы уже потеряли целые сутки из запланирован-

ного путешествия в Чили, и мысль о том, что мы вот-вот потеряем ещё больше, приводила нас в отчаяние. Мы были дерзки, молоды, бесстрашны и самоуверенны, и нас злило, что долгожданный отпуск грозит сорваться из-за того, что казалось нам робостью пилотов. Мы не скрывали своих чувств. Увидев в аэропорту пилотов, мы стали издеваться над ними и свистеть. Мы дразнили их и ставили под сомнение их компетентность.

— Мы наняли вас, чтобы вы отвезли нас в Чили, — крикнул кто-то, — именно этого мы от вас и хотим!

Теперь невозможно узнать, повлияло ли наше поведение на их решение — казалось, оно и правда выбило их из колеи, — но, в конце концов, после последней консультации с Лагурарой, Феррадас оглядел толпу, беспокойно ожидавшую ответа, и объявил, что полёт в Сантьяго будет продолжен. Мы встретили это известие бурными аплодисментами.

Fairchild, наконец, вылетел из аэропорта Мендосы в восемнадцать минут третьего по местному времени. Когда мы набрали высоту, самолёт круто повернул влево, и вскоре мы уже летели на юг, а справа, на западном горизонте, поднимались аргентинские Анды. Через иллюминаторы правой стороны я смотрел на горы, они вздымались над безводными плато под нами, словно чёрные миражи, такие мрачные и величественные, такие поразительно необъятные и огромные, что от одного их вида у меня начинало отчаянно биться сердце. Их чёрные гребни, уходящие корнями в массивные горные породы с колоссальными основаниями, простирающимися на многие мили, высились над равнинами, одна вершина теснила другую, так что получалась будто крепостная стена колоссальных размеров. Я не был молодым человеком, склонным к поэзии, но мне казалось,

что могущество, с которым эти горы поднимались тут, служило предостережением, и невозможно было не думать о них как о живых созданиях, наделённых разумом, сердцем и несговорчивым характером. Неудивительно, что в давние времена люди считали эти горы святыми местами, называли их вратами в рай и местом обитания богов.

Уругвай — страна низменностей, и, как и у остальных моих друзей в самолёте, мои познания об Андах или вообще о каких-либо горах ограничивались тем, что я прочитал в книгах. В школе нас учили, что Андский хребет — самая протяжённая горная система в мире, протянувшаяся по всей Южной Америке, от Венесуэлы на севере до южной оконечности континента на Огненной Земле. Я также знал, что Анды — второй по высоте горный хребет на планете с точки зрения средней высоты; выше Анд только Гималаи.

Я слышал, как люди называли Анды одним из величайших геологических чудес Земли, и увиденное с самолёта помогло мне интуитивно понять, что это значит. К северу, югу и западу, насколько хватало глаз, тянулись горы, и, хотя нас отделили от них многие мили, они были так высоки и массивны, что казались непроходимыми. На самом деле, с нашей точки зрения, так оно и было. Наша цель, Сантьяго, лежит почти точно к западу от Мендосы, но участок Анд, разделяющий эти два города — один из самых высоких во всей горной цепи, именно тут расположены некоторые из самых высоких вершин в мире. Где-то там, например, была Аконкагуа, самая высокая гора Западного полушария, одна из семи высочайших вершин на планете. Её высота — почти семь тысяч метров, она всего на 1890 м отстаёт от Эвереста, а в соседях у Аконкагуа такие гиганты как гора Мерседарио,

высотой 6 705,6 м и гора Тупонгато, высота которой составляет более шести с половиной километров. Вокруг этих чудищ толпятся другие огромные пики высотой от 4 876,8 до 6 096 м, и никто в этих диких местах никогда не удосуживался дать им название.

Поскольку на прямой до Сантьяго располагались такие высокие вершины, не было и речи о том, чтобы *Fairchild* с его-то максимальной крейсерской высотой в 6 858 м следовал в Сантьяго по прямому курсу с востока на запад. Вместо этого пилоты наметили курс, который должен был вывести нас примерно в ста шестидесяти километрах к югу от Мендосы к перевалу Планчон, узкому коридору через горы с достаточно низкими гребнями, где мог пролететь самолёт. Нам предстояло лететь на юг вдоль восточных предгорий Анд, где горы постоянно были бы справа от нас, пока мы не достигли бы перевала. Потом надо было повернуть на запад и перебраться через горы. Миновав хребты на чилийской стороне, мы должны были повернуть вправо и лететь на север, в Сантьяго. Полёт должен был занять около полутора часов. Ожидалось, что мы приземлимся в Сантьяго засветло.

На первом отрезке полёта всё было спокойно, и не прошло и часу, как мы достигли окрестностей перевала Планчон. Разумеется, я тогда не знал ни названия перевала, ни подробностей полёта. Однако я не мог не заметить, что после километров полёта, когда горы неизменно виднелись далеко на западе, мы совершили поворот на запад и теперь летели прямо в сердце гор. Я сидел в кресле у левого борта самолёта и глядел в иллюминатор, а плоский, однообразный ландшафт внизу будто подпрыгивал кверху, сначала появились неровные предгорья, а затем стали вздыматься вверх и изгибаться вдаль

устрашающие изгибы настоящих гор. Гребни с акульными плавниками тянулись вверх, как наполненные ветром чёрные паруса. Грозные пики торчали, словно гигантские наконечники копий или сломанные лезвия боевых топоров. Узкие ледниковые долины прорезали крутые склоны, образуя ряды глубоких, извилистых, заснеженных коридоров, которые сходились, расходились и накладывались друг на друга, создавая дикий, бесконечный лабиринт льда и камня. В южном полушарии зима уже уступила дорогу ранней весне, но в Андах температура всё ещё опускалась до 37 градусов ниже нуля по Цельсию, и воздух был сухим, как в пустыне. Я знал, что лавины, метели и смертоносные штормовые ветры были в этих горах обычным явлением и что предыдущая зима оказалась одной из самых суровых за всю историю, а высота снега кое-где составляла несколько десятков метров. На фоне гор не было видно вообще никаких красок, лишь пятна приглушённых оттенков чёрного и серого. Там не было ни мягкости, ни жизни, одни только скалы, снег и лёд, и, рассматривая изломанные зигзаги безжизненной пустыни внизу, я сознавал, до чего смешотворно высокомерие тех, кто когда-либо думал, будто люди покорили землю.

Глядя в иллюминатор, я заметил, что клочья тумана становятся гуще, а потом почувствовал, как меня тронули за плечо.

— Давай поменяемся местами, Нандо. Я хочу посмотреть на горы.

Это был мой друг Панчито, который сидел рядом со мной у прохода. Я кивнул и поднялся со своего места. Когда я встал, чтобы поменяться местами, кто-то крикнул: «Не спи, Нандо!» Я круто обернулся и как раз успел поймать мяч для регби, который кто-то кинул нам из